

Ю.В. Бобрышева

Новосибирский государственный педагогический университет

**Модернистская проблема целостности
в повествовательном дискурсе В.В. Набокова**

Аннотация: В данной статье исследуется один из способов решения модернистской проблемы целостности, представленный в повествовательном дискурсе В.В. Набокова, – принцип метаповествования; раскрываются его генетические связи с повествованием М. Пруста, переводом «Евгения Онегина» на английский язык и проблемами двуязычия.

The paper investigates one of the ways of solving the modernistic problem of integrality which is presented in V. V. Nabokov's narrative discourse, the principle of metanarration. Also revealed in the paper are the genetic links of Nabokov's metanarration with the narration of M. Proust, with the translation of «Eugene Onegin» into English and the problems of bilingualism.

Ключевые слова: Набоков, модернизм, метаповествование, повествовательный дискурс, метатекст, художественный перевод, художественное единство.

Nabokov, modernism, metanarration, narrative discourse, metatext, literary translation, artistic integrality.

УДК: 82.0.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ. E-mail: yu.bobrysheva@mail.ru.

Романное творчество В. Набокова являет собой пересечение и смену двух художественных парадигм: модернизма и постмодернизма, и в полной мере вообрало в себя проблематику этих двух направлений. В данной статье нас будет интересовать проблема единства и целостности, решенная Набоковым через индивидуально-творческий принцип метатекста в рамках модернистского интереса к форме художественного произведения. Если в произведениях классической литературы целостность создается телеологией фабулы и вытекающей из нее углубленной детерминацией сюжетных мотивировок, то в эпоху модернизма действуют иные принципы. Одним из таких принципов является принцип метаповествования. Ж. Женетт в книге «Повествовательный дискурс» дает следующее определение этому термину: «*Метаповествование* есть повествование в повествовании» [Женетт, 1998. с. 238], тем самым представляя обратное, по отношению к лингвистическому образцу (термину «метаязык»), функционирование нового термина, и далее: «*Метадиегезис* есть мир этого вторичного повествования, так же как *диегезис* обозначает <...> мир первичного повествования» [Там же].

Целью настоящей статьи является исследование метаповествования в «Бледном огне» Набокова. Итак, в настоящей работе мы надеемся рассмотреть нарративные уровни романа «Бледный огонь», тем самым представив анализ его как метаповествования. Уровни наррации в «Бледном огне» Набокова, пользуясь изложенной терминологией, можно обозначить следующим образом. Сочинение Кинботом «Комментария» к поэме составляет более-менее литературный акт, который совершается на первом уровне, *экстрадиегетическом*, по терминологии

Женетта; в его составе находятся изложенные события, называемые диегетическими, или интрадиегетическими, включая обстоятельства написания Шейдом его поэмы. При этом сам нарративный акт Шейда умалчивается, Шейд не склонен комментировать процесс своего творчества: «Можно бы вообразить, что поэт, занятый сочинением длинного и трудного произведения, просто обеими руками ухватится за возможность поговорить о своих достижениях и неудачах. Но ничего подобного не произошло! Все, что я получил в ответ на мои бесконечно краткие и осторожные расспросы были фразы вроде: «Точно так, подвигается отлично» или: «Никак нет, что же тут говорить». И наконец, он отвертелся от меня обидным анекдотом о короле Альфреде, который, как говорят, любил рассказы своего норвежского приближенного, но прогонял его, когда бывал занят другими делами» [Набоков, 2010, с. 238]. По сути, нарративный акт Шейда дан опосредованно через рукопись поэмы, которая на данном уровне предстает как событие. Второй уровень составляют метадиегетические события, изложенные в поэме Шейда (повествовании второй ступени). В повествовании Кинбота экстрадиегетическое постоянно вторгается в диегетическое, это происходит через аналепсис: «Я не только понял *тогда*, что Шейд регулярно читает Сибилле набравшиеся части поэмы, но *сейчас* мне приходит в голову, что она столь же регулярно заставляла его приглушать или выбрасывать из чистового экземпляра все связанное с великолепной земблянской темой» [Набоков, 2010, с. 90]. Поскольку Кинбот – герой своего же повествования, на диегетическом уровне он является персонажем, в то время как на экстрадиегетическом – повествователем. Казалось бы, фокализация в «Бледном огне» выступает как фиксированная, так как все события, включая редакцию текста поэмы, нам известны в изложении Кинбота. Но у поэмы появляется собственный голос – на уровне метадиегезиса – голос подлинного автора. Очевидно и то, что в «Бледном огне» сам роман повествует о Кинботе, комментирует его. Таким образом, метаповествование – не просто часть повествования, но некая объемлющая его рамка. Симптоматично, что роман и поэма называются одинаково. Сам образ бледного огня получает символическое наполнение: голос подлинного и мнимого таланта, которые предстоит различить.

Как показал Ж. Женетт, «экстрадиегетическая наррация не обязательно бывает представлена как письменная наррация» [Женетт, 1998, с. 240], и вправду: литературный акт Кинбота лишь отдаленно мотивирован необходимостью издать поэму Шейда, так как очевидно, что комментарии расходятся с содержанием поэмы, превращаясь в самостоятельное повествование. На наш взгляд, такая способность экстрадиегетической наррации вышла на первый план у Набокова под воздействием М. Пруста, в повествовании которого эксплицировался метод «потока сознания». Надо сказать, что набоковский метатекст формировался в то время, когда Набоков питал симпатии к творческой манере Пруста. Метод «потока сознания» по-иному, в сравнении с классической традицией, представил проблему автора, сместив ее на игру в перемену лиц повествователя и персонажа в автодиегетическом повествовании. В «Бледном огне» рассказ о короле Альфине Гуманном в пределах двух страниц обнаруживает смену грамматического лица повествователя с третьего на первое («его отец» – «мой отец»). Такая перемена грамматических форм является следствием смены нарративных позиций, о чем пишет Ж. Женетт [Женетт, 1998, с. 252]. Повествование в «Бледном огне» превращается в автодиегетическое, в котором повествователь, участвующий в действии как персонаж, не может оставаться соглядатаем, а претендует на полноценную позицию центрального героя. Особенность набоковской наррации состоит в том, что перипетии нарративных инстанций составляют сюжет его романов, в которых нередко анаграммируются и парцилируются имена повествователей и персонажей. В ситуации метатекстуальности Набокова привлекала возможность творить собственный дискурс, сущность которого исключает «любую формаль-

ную определенность порождающей его нарративной инстанции» [Женетт, 1998, с. 240].

Не только интерес к методу «потока сознания», но и модернистский интерес к форме художественного произведения и связанная с ним проблема единства и целостности роднили Набокова с Прустом. Появление метатекста у Набокова, вслед за Прустом, было основано на модернистской установке воплотить максимально точно тот текст, который писатель в творческом процессе создает и держит в своем сознании. Марсель Пруст в книге «Обретенное время» вложил в уста своего героя следующее рассуждение: «...эту самую важную, единственно правдивую книгу большой писатель должен не выдумывать, в расхожем смысле этого слова, поскольку она существует в каждом из нас, но переводить. Долг и задача писателя суть долг и задача переводчика» [Пруст, 2010, с. 246–247]. Набоков, в свою очередь, сообщал в интервью о методе воспроизведения «готового в воображении романа» и отмечал «невозможность полностью приблизиться» к нему [Набоков, 1997, с. 574]. Тот нарратив, который писатель создает в воображении и держит в своем сознании, можно назвать нарративом только условно, его сущность в большей мере можно обозначить как *текст*. Этот текст, пользуясь терминологией Э. Гуссерля, является объектом образного сознания писателя, – и излагается в акте письма. И парадокс состоит в том, что этот объект есть «перцептивная фикция»: «Он – объект восприятия, но объект только кажущийся» (Цит. по: [Мотрошилова, 2003, с. 618]). Таким образом, являвание текста как объекта образного сознания совмещается с его восприятием, и наррация и скрипция являются припоминанием, реализующим такую черту образного сознания, отмеченную Гуссерлем, как «осовременивание». Исходя из парадокса образного сознания («перцептивной фикции»), текст как объект образного сознания ирреален (идеален). Поскольку в данном случае за пределами сознания отсутствует объект, воспринимаемый образным сознанием (написанное произведение), то сознание воспринимает находящийся в нем текст опосредованно, через другой ирреальный (идеальный) элемент – метатекст. Можно сказать, что метатекст – вторая перцептивная фикция, которую сознание использует для снятия парадокса восприятия. Метатекст трансцендентен, внеположен повествованиям, соответственно, по отношению к ним он иррационален, но в структурах авторского образного сознания метатекст выступает как осознанный художественный принцип, как рациональный элемент. Через наррацию и скрипцию текст и направленный на него в составе восприятия метатекст, соотносясь друг с другом, воссоздаются в виде повествования. С точки зрения теории речевых актов, метатекст есть являющееся в самом акте высказывания. С точки зрения теории повествовательных актов, предложенной Ж. Женеттом, метатекст есть являющееся и явленное в самом акте повествования.

Модернистская установка воплотить максимально тот текст, который писатель держит в сознании, соответствует отношению к повествовательному тексту не столько как к нарративу, сколько как к дискурсу, главным механизмом осуществления которого становится стремление к полноте высказывания. Таким образом, мы снова приходим к мысли о дискурсивности повествования Набокова. Предварительно скажем, что этот механизм запускает метатекстовые функции, приводящие к созданию метаконструкций (в том смысле, в котором употребляет этот термин В.В. Агеносов) или, с точки зрения дискурсного анализа, семантических макроструктур. Макроструктуры дискурса, в когнитивной модели понимания, – это значение, которое «пользователи языка *приписывают* дискурсу в процессе понимания или интерпретации» [ван Дейк, 1989, с. 46], отсюда – возникающее у читателя ощущение инвариантности прафабулы (В.В. Ерофеев) и мотивно-тематических комплексов в романах Набокова.

Проблема перевода у Набокова состояла не только в переводе сочиненного в сознании текста в повествование, но также была связана с его работой над пере-

водом «Евгения Онегина». Перевод пушкинского романа в стихах на английский язык стал еще одним источником, воздействующим на создание метатекста, и ключевым моментом здесь оказалось осознание необходимости комментария. Целью перевода романа Пушкина на английский язык было реконструирование языковых и образных особенностей этого текста для англоязычного читателя, о чем свидетельствуют многочисленные рассуждения о возможностях английского языка в набоковских комментариях. В соответствии с этой целью, перевод Набокова становится англоязычным палимпсестом на канве пушкинского романа. Перевод как языковая реконструкция русского языка пушкинской поры средствами английского языка XX века потребовал пространного историко-культурного комментария, который, по свидетельству самого Набокова, грозился разрастись до необъятных размеров, не будь решена проблема единства и целостности. Критерий полноты реконструкции вырос из задач самого перевода. Прибегая к терминологии ван Дейка о глобальной связности дискурса посредством макроструктуры, которая «является концептуальным глобальным значением, которое ему приписывается» [ван Дейк, 1989, с. 48], можно сказать, что всякий перевод есть акт выведения макроструктуры. Макроструктура набоковского перевода «Евгения Онегина» в восприятии англоязычного читателя определила степень полноты предпринимаемой реконструкции. Так, подстрочник текста пушкинского романа на английском языке оказался недостаточным, и комментарий стал частью самого перевода как неотъемлемое приложение к тексту, как вынесенное за пределы текста перевода его метаописание. Перевод «Евгения Онегина» Пушкина на английский язык, выполненный Набоковым, прочитывается с позиции метаповествования как *роман в комментарии*. В дальнейшем, этот опыт перевода был реализован в «Лолите» и «Бледном огне» как принцип автокомментирования в метаромане, при котором само повествование включает комментарий к нему и метаповествование взаимодействует с гипертекстуальностью.

По мнению Б. Бойда, подстрочник пушкинского романа представляет собой не самостоятельный английский текст, а «цепочку символов» [Бойд, 2010, с. 401], призванную обратить англоязычного читателя к оригиналу. «Символичность» создается за счет того, что каждому русскому слову подбирается семантически точный эквивалент, зачастую окказиональный или архаичный. Единственное, что роднит прозаический подстрочник Набокова с романом в стихах Пушкина – это ямбический размер, и, в угоду просодии, Набоков часто пользуется неспецифическими для английского языка конструкциями. Те слова и обороты, используемые как средства художественной выразительности, которым нет точного эквивалента в англоязычной культуре, могли бы подвергаться таким соблазнам перевода, как искажение смысла и транслитерация. Однако и в таких тривиальных промахах Набоков находит новые возможности для выстраивания связности нарратива. Переводческий опыт, столь масштабно обобщенный и углубленный в работе над «Евгением Онегиным», позволил Набокову использовать сходие с переводом принципы связности в его собственных романах. В промежутке между переводом нескольких строф «Евгения Онегина» и глобальным замыслом перевода Набоков пишет роман, в котором искажение смысла и транслитерация становятся средствами создания выдуманного языка сказочного Падукграда. Обогатившись опытом перевода пушкинского романа, Набоков использует метатекстовую конструкцию «роман в комментарии» для создания «Бледного огня» – *поэмы в комментарии*.

Обобщая сказанное, отметим, что работа над переводом «Евгения Онегина» вскрыла для Набокова ряд языковых проблем, три из которых, как нам представляется, имеют генетическую связь с метаповествованием как типом художественной целостности. Первая проблема была связана с исследованием образных средств в русском и английском языках, что в дальнейшем привело к необходимости комментария. Вторая проблема была связана с трансляцией русского кода

в англоязычном повествовании. И третья – проблема создания авторизованных версий перевода собственных произведений.

Вопросам языка, способствующим выбору метатекстовых стратегий, предшествовала рефлексия над самим творческим процессом в традиции европейской литературы модернизма, в которой одной из центральных для Набокова фигур явилась фигура Пруста. Рефлексия над повествованием Пруста отчасти определила логику метаповествования у Набокова, с той разницей, что у Набокова также явственна отработка гипертекстовых практик. Например, «Бледный огонь» может рассматриваться как гипертекстовое пародирование четырехтомного перевода «Евгения Онегина», что обнаруживает у Набокова черты постмодернизма.

В целом, при взгляде на истоки метаповествования у Набокова, обнаруживается их поразительная гетерогенность, что отражает, в условиях разрушающихся жанров, установку на поиск общего формального принципа, способного связать разные уровни повествования.

Таким образом, через категорию метатекста становится возможным охарактеризовать процесс перехода от модернизма к постмодернизму. Изучение поэтики метатекста позволяет высветить наиболее ранние этапы данного перехода. При изучении творчества В.В. Набокова категория метатекста обнаруживает свой универсальный характер в описании поэтики набоковского творчества и, в то же время, связывает данное творчество с процессами европейской и мировой литературы.

Литература

Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. СПб., 2010.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: В 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 59–280.

Интервью телевидению Би-би-си, 1962 г. // Набоков В.В. Собр. соч.: В 5 т.: Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментар. А. Люксембурга. СПб., 1997. Т. 2. С. 567–577.

Мотрошилова Н.В. *Идеи I* Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003.

Набоков В. Бледный огонь / Пер. Веры Набоковой. СПб., 2010.

Пруст М. Обретенное время / Пер. и примечания А. Година. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://agodin.files.wordpress.com/2010/12/proust6.pdf>. (дата обращения: 3.03.2013).